

под научной редакцией

Доктора Ольги Белоконь

Бестселлер New York Times Book Review

Эула Бисс

ОТКРОВЕННО
ОБ ИММУНИТЕТЕ.
ВАКЦИНАЦИЯ

**ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ
МЕДИЦИНА**

Эула Бисс
Откровенно об
иммунитете. Вакцинация
Серия «Доктор Ольга Белоконь.
Доказательная медицина»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64242717

Откровенно об иммунитете. Вакцинация : Издательство АСТ; М.;

2021

ISBN 978-5-17-133626-4

Аннотация

«Иммунитет – это место общего пользования – сад, который мы возделываем вместе». Невероятная книга-исследование, которая развенчивает мифы, окружающие вакцинацию, и позволяет взглянуть на наше отношение к иммунитету и прививкам через призму культурного и личного опыта.

Содержание

Предисловие	5
Откровенно об иммунитете. Вакцинация	9
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эула Бисс
Откровенно об
иммунитете. Вакцинация

EULA BISS

ON IMMUNITY: AN INOCULATION

This edition published by arrangement with Frances Goldin
Literary Agency, Inc. and Synopsis Literary Agency

© Eula Biss, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

Задумывались ли вы над тем, как иногда бывают нам дороги те или иные наши мысли, доводы, утверждения и даже заблуждения? Как на нас может влиять та или иная информация?

Мир, в который мы верим и что создаем вокруг себя, – это совокупность полученных знаний и приобретенного опыта. И здесь все зыбко, потому что наши знания могут быть ограничены, а наш мозг может все время совершать мыслительные/логические ошибки, даже этого не замечая.

А еще мы можем начинать соответствовать той среде, в которую нас «помещают», которую для нас «создают», уподобляться ей. Как писал М. Горький, «если все время человеку говорить, что он свинья, то он действительно в конце концов захрюкает». Человек поверит в ту реальность, которую мы будем создавать вокруг него, и будет считать, что она единственно правильная и никакие другие не имеют право на существование.

Например, сейчас мы знаем, что длительное употребление морфина вызывает наркотическую зависимость, отнимает жизнь и здоровье, разрушает все сферы жизни человека. Об этом написана масса научных работ. Мы знаем все стадии заболевания, химическую структуру наркотического вещества, его воздействие на организм, всю «физику» и «хи-

мию», происходящую внутри, этап за этапом.

В школе детям иногда показывают научно-популярные фильмы о наркотиках, проводится пропаганда и активная борьба на уровне каждого государства с их нелегальным распространением и проблемой наркотической зависимости среди людей.

Знание истории, химии, анатомии и физиологии человека, знание причинно-следственных связей, формирование правильных семейных ценностей и морали уберегает нас от ошибок выбора и наставляет на правильный жизненный путь.

Этот момент для большинства людей абсолютно очевиден и не вызывает никаких сомнений.

Теперь давайте смоделируем такую ситуацию: человек рождается и попадает в среду, где знаний о пагубном влиянии морфина просто еще не существует или они намеренно скрываются.

30 лет он жил в искаженной реальности, в реальности с ограниченными знаниями, где для него «выбиралась» только определенная информация, которая не давала возможности смотреть на вещи объективно.

Любого человека при желании можно убедить в чем угодно. Даже в том, что морфин полезен для вашего здоровья, позволит улучшить качество вашей жизни, продлить красоту, молодость, счастье (спойлер: но в реальности это совершенно НЕ ТАК).

Для формирования «нужного» нам «вашего» мнения нужно лишь время, умение манипулировать и работать в нужном ключе с вашими самыми главными страхами, формирование сильной и на первый взгляд очень логичной теории о пользе (иногда вреде) чего бы то ни было, а лучше даже создание теории заговора (нам запрещают употреблять морфий, потому что не хотят, чтобы мы радовались жизни и жили счастливо).

«Абсурд же», – подумают многие, прочитав эти строки.

А может, и вы мыслите также абсурдно, когда думаете о прививках, потому что все это время вы жили в искаженной реальности, которую вам навязали?

Прививки все-таки связаны с аутизмом?

Приводят ли они к смерти и инвалидности?

Что мы должны выбрать для своего ребенка?

Какому авторитету верить и следовать?

Готовы ли вы бросить вызов самому себе и попробовать найти ответы, логику, пройти по увлекательному пути размышлений и исследований? Готовы ли вы побыть детективом, обсудить честно и открыто все «за» и «против» и сделать СВОЙ выбор, от которого зависит здоровье ВАШИХ детей и здоровье целого человечества? Осознать свои страхи, взглянуть на своих сородичей, пройти весь их путь вместе с ними и попробовать научиться на чужих ошибках, а не на своих?

В этой книге нет осуждения и навязывания чьего-то мне-

ния. Здесь разобраны позиции и мнения как противников, так и сторонников вакцинации. И я вам очень рекомендую ее прочесть, потому что порой ошибки, которые совершает человек, слепо веря своим заблуждениям, могут стоить ему жизни.

Всем известный создатель компании Apple Стив Джобс перед смертью глубоко сожалел о том, что отказался от традиционной медицины в пользу альтернативных методов лечения. По мнению многих специалистов, своевременное хирургическое вмешательство позволило бы ему продлить жизнь или даже полностью излечиться. Всего 9 месяцев, пока он игнорировал болезнь, лечился травами, иглоукалыванием и «очистительными» клизмами, в конечном итоге стоили ему жизни.

Он все понял и осознал слишком поздно, о чем говорил почти в каждом своем интервью. И никакие деньги, ученые из Гарварда и врачи с мировым именем не смогли ему помочь, потому что время было упущено. Он сделал свой первый выбор и ошибся.

Не совершайте те же ошибки, учитесь на чужих, развивайтесь, мыслите, ограждайте себя и свою семью от неправильного выбора.

Ваша доктор

Ольга Белоконь

Откровенно об иммунитете. Вакцинация

*С благодарностью моей матери,
посвящается всем другим матерям*

* * *

Первый рассказ об иммунитете я услышала от моего отца, врача, когда была еще совсем маленькой. Это был миф об Ахилле, мать которого попыталась сделать его бессмертным. В одном варианте мифа она огнем выжгла из него смертность, и все тело Ахилла стало неуязвимым, за исключением пятки, куда было суждено вонзиться отравленной стреле, ставшей причиной его гибели. Согласно другой версии, мать окунула Ахилла в реку Стикс, реку, которая отделяет мир живых от мира мертвых. Мать держала свое дитя за пятку, опять-таки оставив одно место уязвимым.

Когда Рубенс писал картины жизни Ахилла, он начал свой цикл со Стикса. На фоне темного неба виден зловещий силуэт летучей мыши; в отдалении ладья перевозит мертвеца через реку. Мать держит младенца за пухлую ножку, а голова и грудь ребенка находятся под водой. Ясно, что это не про-

сто купание. Трехглавый пес, стерегущий подземный мир, свернувшись, лежит в основании картины, где тельце ребенка соприкасается с водой; создается впечатление, что Ахилл погружается в свирепого зверя. Формировать человеку иммунитет, делать его невосприимчивым к поражениям – учит нас картина – задача небезопасная.

Для того чтобы подготовить детей к превратностям жизни, моя собственная мать каждый вечер, перед сном, читала нам вслух сказки братьев Гримм. Я не так хорошо помню жестокость, которой прославились эти сказки, как их волшебство – золотые груши, растущие в саду возле замка, мальчишка размером с пальчик, двенадцать братьев, превращенных в двенадцать лебедей. Но от меня, маленького ребенка, не ускользнуло, что родители в этих сказках имели обыкновение так простодушно давать себя обманывать, что ставили в опаснейшее положение своих детей.

В одной из сказок какой-то человек соглашается отдать дьяволу то, что стоит за его мельницей. Он-то думал, что пожертвует яблоней, но, к своему ужасу, первое, что он видит за мельницей, – это его собственная дочь. В другой сказке женщина, страстно желавшая иметь ребенка, забеременела и захотела отведать плод растения рапунцель, который рос в саду злой колдуньи. Женщина посылает мужа украсть это растение, но он был пойман и пообещал отдать свое дитя колдунье, которая заперла девочку в высокой башне без дверей. Но девы, запертые в башне, могут спускаться из окон свои

длинные волосы.

То же самое было и в греческих мифах, которые мама читала мне позже. Царь, услышавший зловещее пророчество, не смог удержать свою дочь в заточении бездетной. Зевс посетил ее в виде золотого дождя; она забеременела и родила сына, который и убил царя. Когда дитя Эдип, оставленный на горе умирать, был спасен пастухом, судьба не смогла уберечь его от исполнения пророчества, которое предсказало, что он убьет своего отца и женится на своей матери. Да и Фетида так и не смогла ни выжечь, ни утопить смертность своего сына Ахилла.

Дитя невозможно уберечь от судьбы, но это не останавливает богов, которые все равно пытаются это сделать. Мать Ахилла, богиня, взявшая в мужа смертного человека, слышала пророчество, что ее сын умрет молодым. Она изо всех сил старалась избежать исполнения пророчества и даже передела Ахилла в женскую одежду, когда началась Троянская война. Когда он схватил меч и был избит, мать попросила бога огня сделать для него щит. Щит был украшен изображениями солнца и луны, земли и океана, городов – мирных и охваченных войной, полями – вспаханными и сжатыми; щит Ахилла был изукрашен вселенной во всей ее двойственности.

Первая история, которую рассказал мне мой отец в детстве, была не об Ахилле, а другой древний миф. Когда папа рассказал мне сюжет, я поняла, почему я перепутала эти две

истории. Герой первой сказки стал невосприимчивым к оружию после того, как был искупан в крови дракона. Но к его телу в одном месте прилип древесный лист, и это место на спине осталось уязвимым. После многих победоносных битв этот герой был убит предательским ударом в спину.

Иммунность – это миф, считают авторы этих историй, и ни один смертный никогда не сможет стать неуязвимым. Мне было легко мириться с этой истиной до тех пор, пока я не стала матерью. Рождение сына повергло меня в двойственное состояние: с одной стороны, я ощущала свою силу, но с другой – полную беспомощность. Я так часто торговалась с судьбой, что мы с мужем даже стали играть в забавную игру, спрашивая друг друга, какую болезнь мы хотим подарить ребенку, чтобы предотвратить другие заболевания. Это была пародия на невозможное решение в приложении к родительству.

Когда сын был маленьким, я слышала множество вариантов пожелания: «Самое главное – чтобы он был в безопасности». Я спрашивала себя: «Неужели это единственное, что имеет значение?» – почти так же часто, как и пыталась понять, действительно ли я берегу его от опасностей. Я была уверена, что не смогу защитить его от судьбы, какова бы она ни была. Но тем не менее я была полна решимости уберечь его от случайностей и подвохов, описанных в сказках братьев Гримм. Я никогда не допущу, говорила я себе, чтобы мой сын был проклят из-за моей беспечности или жад-

ности. Я думала, что никогда не скажу дьяволу: «*Можешь взять все, что стоит за мельницей*», а затем обнаружу, что за мельницей стоит мое дитя.

* * *

Накануне рождения сына был первый теплый день весны. Когда у меня начались схватки, я прогулялась до конца пристани, к кромке воды, где утреннее солнце уже взломало льдины на озере Мичиган. Муж взял с собой видеокамеру и попросил меня сказать что-нибудь для будущего, но звук моего голоса не записался, поэтому слова мои были потеряны для потомства. Но на лице моем не было никаких признаков страха. Все время долгих родов, продолжавшихся весь тот солнечный день, я воображала себя плывущей в озере, которое, вне моей воли, стало сначала темным, потом огненным, а потом бескрайним. К вечеру следующего дня, когда сын наконец появился на свет, моросил холодный дождь, и я уже не могла сказать, что не испытываю страха.

Той весной новый штамм гриппа, пришедший из Мексики в Соединенные Штаты, распространился по всему миру. Я не следила за ранними сообщениями об эпидемии, так как была слишком сильно занята: по ночам я прислушивалась к дыханию сына, днем подсчитывала кормления и срыгивания, а также следила за его сном. Сейчас я не в состоянии прочитать записи, которые делала тогда в дневнике, – их очень

много, иногда между записями промежутков всего в несколько минут. Вероятно, все записи сводятся к регистрации пробуждений, сна, кормлений и плача. Я искала закономерности, стараясь понять, почему ребенок плачет. Только много позже я поняла, что заставляло его плакать – это была непереносимость коровьего молока. Вредные для него белки коровьего молока, которое я пила, проникали в мое молоко, которым он питался. В то время такая возможность просто не приходила мне в голову.

К концу лета в новостях стали показывать толпы людей в хирургических масках в аэропортах. В тот момент была официально объявлена пандемия нового гриппа. Хлеб в церквях во время причастия давали на зубочистках, а в самолетах убрали с сидений подушки и одеяла. Сейчас меня удивляет, насколько неважным и незначительным мне все это тогда казалось. Все это стало частью фона материнства, когда подушки и одеяла стали вещами, которые при неосторожном обращении могут убить ребенка. В колледжах регулярно стерилизовали все поверхности, к которым «часто прикасаются», а я в это же время кипятила все, что попадало в рот моему ребенку. Было такое впечатление, что вся страна присоединилась ко мне в паранойяльной страсти ухода за ребенком. Подобно многим другим матерям, я знала об одном синдроме, который без всяких предупреждающих симптомов проявлялся внезапной смертью младенца. Вероятно, поэтому я не чувствовала особого страха перед гриппом –

это была просто одна из многих других забот. Я знала, что стены в нашем доме были покрыты свинцовыми белилами, что в воде присутствует шестивалентный хром, а в книгах, которые я читала, было сказано, что, когда ребенок спит, надо включать вентилятор, потому что даже просто застоявшийся воздух может задушить ребенка.

Когда я теперь ищу синоним слову «защитить», мой словарный запас подсовывает мне слова «щит», «убежище» и «безопасность», но в конце концов у меня остается только одно слово – «прививка». Это был главный вопрос, когда родился мой сын: буду ли я его прививать? Тогда я понимала это так: вопрос заключался не в том, защитят ли его прививки, а в том, насколько рискованны прививки и стоит ли принимать этот риск. Стану ли я рисковать, как Фетида, окунувшая маленького Ахилла в воды Стикса?

Мои знакомые мамочки стали обсуждать вопрос о том, стоит ли прививать наших детей против нового вируса гриппа, задолго до того, как вакцина стала доступной. Мы слышали, что этот штамм вируса особенно опасен тем, что он новый для человека, как вирус, ставший причиной эпидемии испанки в 1918 году, эпидемии, в ходе которой умерло больше пятидесяти миллионов человек. Но мы слышали также и то, что вакцину делают в спешке и что она не была добросовестно испытана.

Одна мамочка сказала нам, что у нее случился выкидыш,

когда она, будучи беременной, болела сезонным гриппом, и теперь она была за прививку. Другая мать говорила, что ее ребенок всю ночь после сделанной прививки дико кричал, и она не станет рисковать, делая новую прививку. Каждый обмен мнениями относительно вакцины против нового штамма вируса сводился к старой дискуссии об иммунизации, в которой на одну чашу весов кладут то, что известно о болезни, а на другую – все, что неизвестно о вакцине.

Между тем вирус продолжал распространяться, и одна моя знакомая из Флориды рассказала, что вся ее семья только что перенесла грипп H1N1 и что этот грипп есть всего лишь неприятная простуда. Но другая мамочка – из Чикаго – рассказала, что здоровый девятнадцатилетний сын ее подруги перенес инсульт после того, как его госпитализировали с гриппом. Я поверила обоим этим рассказам, но они не поведали мне ничего нового в сравнении с тем, что пытались донести Центры по контролю и профилактике заболеваний США (CDC), а именно что грипп может быть безвреден в одних случаях и весьма серьезным – в других. В такой ситуации мне показалось, что вакцинация будет мудрым решением. Моему ребенку уже исполнилось полгода, а я только что вернулась на работу в крупный университет, где в последние недели семестра почти все студенты отчаянно кашляли.

Той осенью в газете *New Yorker* была опубликована статья, в которой Майкл Спектер писал, что грипп прочно занимает место в десятке ведущих причин смерти в этой стране и что

даже легкие пандемии убивают миллионы людей. «Несмотря на то что вирус H1N1 новый, – писал он, – вакцина новой и неизведанной не является. Она была сделана и испытана точно так же, как всегда делают и испытывают вакцины против гриппа». Некоторым моим знакомым мамочкам не понравился тон этой статьи. Они нашли его оскорбительным по той же причине, по какой я нашла ее убедительной, – она не давала никаких поводов сомневаться.

Постоянным рефреном в разговорах с другими матерями звучал довод о том, что пресса – это ненадежный источник информации, правительство ни на что не способно, а большая фармацевтика развращает и разрушает медицину. Я могу согласиться со всеми этими мнениями, но меня тревожит мировоззрение, согласно которому доверять нельзя вообще никому.

Собственно, это было не самое подходящее время для доверия. Соединенные Штаты ввязались в две войны, которые не приносили пользы никому, кроме тех, кто заключал военные контракты. Люди теряли свои дома и работу, а правительство выручало финансовые учреждения, которые были слишком крупными, чтобы лопнуть, и использовало деньги налогоплательщиков для поддержки банков. Казалось вполне вероятным, что правительство блюдет интересы крупных корпораций, а не благосостояние граждан.

Когда улеглось первое потрясение, вызванное экономическим кризисом, пошли разговоры о «восстановлении обще-

ственного доверия», хотя все эти заклинания, скорее, уменьшали потребительскую уверенность. Мне очень не нравится термин «*потребительская уверенность*», и я каждый раз ощетиливаюсь, когда меня убеждают верить в себя как в мать. У меня мало уверенности – потребительской и любой другой, – но я склонна считать, что уверенность менее важна, чем доверие, которое выходит за рамки собственного я. Даже теперь, много лет спустя после рождения сына, я продолжаю живо интересоваться точным значением слова «*доверие*», особенно в законодательном и финансовом смысле. Доверие – в смысле приписывания ценности тому, кто в конечном счете ею не располагает, – определяет более или менее мое понимание того, что значит иметь ребенка.

К концу октября все матери, которые продолжали обсуждать вакцину против гриппа, дружно заговорили о том, как трудно сделать ребенку прививку. Мой сын ждал своей очереди у педиатра больше месяца. Другие мамы ждали в длинных очередях по спискам колледжей и средних школ. Пока мы ждали, одна мамочка, которая решила не вакцинировать своих детей, сказала нам, что слышала, будто в вакцине против гриппа H1N1 содержится добавка под названием сквален. Ей возразила другая мать, сказав, что сквален добавляют в вакцину в Европе, а не у нас. Мать, упомянувшая сквален, не была в этом уверена – где-то обсуждали, что и в американской вакцине тоже есть сквален. «Что значит – где-

то?» – спросила одна моя подруга. «*Интересно*, – подумала я, – *а что такое, собственно говоря, сквален?*»

Женщины, с которыми я обсуждала достоинства противогриппозной вакцины, владели активным техническим словарем, абсолютно мне в то время неизвестным. Они употребляли такие слова, как *адъювант* и *конъюгат*, а также знали, в каких вакцинах используют живые вирусы, а в каких – нет. Они все знали о вакцинах других стран и были подкованы относительно добавок, содержащихся в вакцинах. Многие из этих женщин были, как и я, писателями. Нет ничего удивительного, что я начала воспринимать этот технический язык и информацию, которой мы обменивались, чисто метафорически.

Сквален обнаруживается в организмах множества живых существ, включая и человека; у нас он синтезируется в печени. Он циркулирует в крови, и мы даже оставляем его в отпечатках наших пальцев. Некоторые европейские вакцины против гриппа действительно содержат сквален из масла печени акулы, но в США его в вакцину не добавляют. Присутствие сквалена в разговорах при его отсутствии в вакцине напоминало о любопытном свойстве тимерозала, ртутного консерванта, который был удален из всех детских вакцин за исключением противогриппозных еще в 2002 году. Прошло уже больше десяти лет, но страх перед ртутью в вакцинах до сих пор жив.

Моему сыну наконец сделали прививку от гриппа – в кон-

це ноября. Мы не знали еще, что самое худшее было уже позади, так как пик эпидемии пришелся на октябрь. Помню, я спросила медсестру, содержится ли в вакцине тимерозал, но спросила, скорее, из чувства долга, нежели от искренней озабоченности. Я уже подозревала, что если эта вакцина и вызывает какие-то проблемы, то они не связаны ни с тимерозалом, ни со скваленом.

* * *

«Что это?» То была первая фраза, произнесенная моим сыном, и долго это было единственное, что он мог сказать. Пока сын учился говорить, я узнала, как часто в нашем языке отражаются части тела при назывании частей разных предметов. «Мы снабжаем стулья ножками и спинками, – пишет поэт Марвин Белл, – а бутылки – горлышками». Способность создавать и понимать метафоры такого рода дает нам язык, который и сам целиком состоит из метафор. Анализ практически любого слова позволит выявить, как говорил Эмерсон, «ископаемую поэзию», метафоры, которые прячутся под современным употреблением слова. Например, слово «обязательный» мы использовали как синоним слова «непременный», но еще лет сто назад его употребляли как синоним слов «любезный» и «надежный», выражения «умеющий держать слово»: какой обязательный человек!

«Наши тела порождают наши метафоры, – пишет Джеймс Гири в книге «Я есть другой», – а наши метафоры порождают образ наших мыслей и поступков». Если мы заимствуем наше понимание мира у наших собственных тел, то представляется неизбежным, что вакцинация в этом смысле весьма символична: игла протыкает кожу, это зрелище впечатляет так сильно, что многие люди от него падают в обморок; при этом под кожу еще вводят какое-то чужеродное вещество. Метафоры, которые мы находим в этом действе, поистине вызывают страх; нам начинают мерещиться насилие, разложение и порча.

Британцы называют прививку «уколом», а американцы с их любовью к огнестрельному оружию – «выстрелом». Как бы то ни было, но вакцинация – это насилие. Если же вакцинацию делают с целью предупредить заболевание, передающееся половым путем, то насилие в умах несведущих людей трансформируется в насилие сексуальное. В 2011 году кандидат в президенты от республиканской партии Мишель Бахман предупреждала о «вредоносной» вакцине против вируса папилломы человека и утверждала, что неправильно «принуждать невинных двенадцатилетних девочек к навязанной государством прививке». С ней согласился ее соперник Рик Санторум, добавив, что бесцельно «силой вакцинировать маленьких девочек по принуждению правительства». Одни родители уже тогда жаловались, что вакцина «не подходит для девочек столь юного возраста», а другие боя-

лись, что вакцинация приведет к еще большей половой распущенности.

В девятнадцатом веке введение вакцины оставляло на коже рубец. Это отметка зверя, опасались многие. В своих проповедях один англиканский архиепископ в 1882 году уподобил вакцинацию инъекции греха, «омерзительной смеси разврата, покровительству человеческого порока и праздных вожделений, что в последующей жизни может затуманить дух, очернить душу и ввергнуть ее в ад».

Вакцинация уже давно не оставляет на теле рубцов, но страх быть помеченным остался. Мы боимся, что вакцинация приведет к аутизму или к какой-нибудь из болезней иммунитета, которыми мы так часто страдаем в нашем индустриальном обществе: сахарному диабету, бронхиальной астме или аллергии. Мы боимся, что вакцина против гепатита В приведет к рассеянному склерозу, а прививка от дифтерии, столбняка и коклюша – к внезапной детской смерти. Мы боимся, что введение нескольких вакцин одновременно приведет к перегрузке иммунной системы и что множество вакцин может ее просто уничтожить. Мы боимся, что формальдегид, содержащийся в некоторых вакцинах, может вызвать рак или что содержащийся в них алюминий приведет к разрушению мозга.

В девятнадцатом веке многие считали вакцины смесью «аспидного яда, крови, внутренностей и выделений крыс, летучих мышей, жаб и щенков». Вакцина была органическим

веществом, нечистотой, ее рассматривали как первопричину многих болезней. Вакцину считали ведьминым варевом. Надо сказать, что в те времена вакцинация и в самом деле была опасной. Не потому что у детей могли отрасти коровьи рога или копыта, как опасались некоторые, но потому что при вакцинации по способу «из руки в руку» могли передаваться такие болезни, как сифилис. При способе «из руки в руку» гной из пузырька, который образовывался на коже недавно вакцинированного человека, прививали другому. Даже после того, как при вакцинации перестали вводить телесные жидкости других людей, большой проблемой оставалось бактериальное заражение из-за несоблюдения асептики. В 1901 году из-за введения вакцины, зараженной столбняком, от него умерли девять детей в Кэмдене (штат Нью-Джерси).

Теперь наши вакцины, если они сделаны правильно, стерильны. В некоторых вакцинах есть вещества, которые подавляют рост бактерий. Но теперь, как говорит активистка Дженни МакКарти, мы боимся в вакцинах «проклятой ртути, эфира, алюминия и антифриза». Теперь наше ведьмино вариво состоит из вредных элементов и химических соединений. На самом деле, в вакцинах нет ни эфира, ни антифриза, но упоминание этих веществ говорит не о вакцинах, а о нашем индустриальном мире. Оно говорит о химикатах, которые мы обвиняем в ухудшении нашего здоровья, в загрязнении окружающей среды.

В 1881 году одна листовка, озаглавленная «Вампир вакцинации», предупреждала об «универсальном загрязнении», которому подвергает вакцинирующий «чистое невинное дитя». Известные тем, что они питаются кровью детей, вампиры были в то время самой подходящей метафорой для человека, который, делая прививку, наносил рану младенцу. Сошедшие кровь чудовища были отвратительны, но викторианские вампиры могли выглядеть соблазнительно. Темная сексуальность вампира усиливала страх того, что в самой вакцинации было что-то сексуальное, и эта тревога только увеличивалась от известий о случаях заражения венерическими заболеваниями при вакцинации по способу «из руки в руку». Викторианские вампиры, как и викторианские врачи, ассоциировались не столько с порчей крови, сколько с экономической коррупцией. Викторианцы изобрели платную медицину, и, поскольку врачи стали доступны только богатым, они стали вызывать подозрение у рабочего класса.

Граф Дракула Брэма Стокера – кровожадный буржуа. В его замке огромные груды золотых монет, а когда ему наносят удар кинжалом, из его плаща сыплются такие же монеты. Но трудно представить себе, как Дракула вводит вакцину. Из всех метафор, предложенных на многочисленных страницах «Дракулы», больше всего ему подходит метафора болезни. Дракула прибывает в Англию таким способом, каким может прибыть новая болезнь, – в лодке. Он созывает

орды крыс, и его заразительное зло распространяется от первой укушенной им женщины на ее детей, которых она, сама того не сознавая, пожирает по ночам. Особенно страшным Дракулу делает то, что он чудовище, чудовищность которого заразительна.

К 1897 году, когда была опубликована книга о Дракуле, микробная теория болезней была общепризнанной, но в начале века эту теорию высмеивали все, кому не лень. Подозрение, что микроорганизмы определенного типа вызывают болезни, буквально витало в воздухе столько лет, что сама теория уже казалась устаревшей к тому моменту, когда Пастер продемонстрировал присутствие бактерий в воздухе с помощью двух пробирок с питательным бульоном: одна была закупорена, вторая – нет. Среди охотников за Дракулой, «стерилизовавших» его гробы с тем, чтобы он не мог найти в них убежище, были два врача, которые разошлись в диагнозах. Более молодой врач не мог заставить себя поверить в вампиров, несмотря на очевидность, и старый врач произнес страстную речь о пересечении науки и веры.

«Позволь мне сказать, друг мой, – говорит он, – что сегодня в науке об электричестве делают такие вещи, которые показались бы кощунственными тем самым людям, которые открыли электричество и которых самих едва за это не сожгли на костре, как колдунов». Далее он вспоминает Марка Твена: «Я слышал об одном американце, который так определяет веру: “Это то, что делает нас способными поверить в

вещи, которые, как нам хорошо известно, не существуют”. Он имел в виду, что мы должны иметь открытый ум и не должны давать маленькой правде мешать поступи великой истины, чтобы эта правда, как маленький камешек, не стала причиной крушения огромного поезда».

«Дракула» как раз об этом – о проблеме соотношения доказательства и истины, а не только о вампирах. Книга утверждает, что одна истина может подорвать другую, она поднимает вечный вопрос: верим ли мы, что вакцинация более чудовищна, чем болезнь.

* * *

«Глубоко в душе каждого человека гнездится страх остаться одному в мире, забытом Богом, незаметным в огромном скопище миллионов и миллионов людей», – писал Кьеркегор в 1847 году в своем дневнике. Это был год, когда он закончил «Дело любви» – произведение, в котором утверждал, что любовь познается не в словах, а по ее плодам.

Я прочитала первые пятьдесят страниц, когда училась в колледже, но в изнеможении оставила это чтение. На этих страницах Кьеркегор трактует заповедь: «Ты должен возлюбить ближнего своего, как самого себя», анализируя ее буквально слово за словом. Исследовав природу любви, он обращается к словам «как самого себя», а потом объясняет, что означает «ближнего своего», после чего трактует значение

выражения «ты должен». С помутившейся головой я оставила чтение вскоре после заданного Кьеркегором вопроса: «Но кто есть ближний?» На этот вопрос философ частично отвечает так: «Ближний – это тот, кого философ назвал бы другим, посредством чего может быть испытана эгоистичность любви к себе». Я прочла достаточно, чтобы озаботиться идеей о том, что надо поступать по вере, а возможно, даже выступать ее воплощением.

Из глубин моего детства всплыло воспоминание о том, как мой отец с энтузиазмом объяснял, что такое эффект Доплера, на примере звука машины скорой помощи, которая обогнала нас на дороге. Когда мы смотрели на закат над рекой, где мы жили, он описывал эффект рассеяния Рэлея, отсечение коротких волн атмосферой, из-за которого облака и трава казались красноватыми, а к вечеру трава приобретала более насыщенный зеленый цвет. Однажды в лесу он вскрыл отрыгнутое соевой содержимое ее желудка и извлек оттуда маленький мышинный скелетик. Отец восхищался природой намного чаще, чем говорил о человеческом организме, но о группах крови он всегда говорил с воодушевлением.

Людям с первой резус-отрицательной группой крови можно переливать кровь точно такой же группы, но зато их кровь можно переливать людям с любой другой группой. Именно поэтому людей с первой группой и отрицательным резусом называют «универсальными донорами». Отец как-то сказал, что у него тоже кровь первой группы и резус-отрицательная,

а значит, и он универсальный донор. Он говорил, что сдавал кровь часто, потому что его кровь была всегда востребована для экстренных переливаний. Подозреваю, что он тогда уже знал то, что я открыла только много позже – что у меня тоже первая группа резус-отрицательной крови.

Я понимала словосочетание «универсальный донор» не столько в этическом, сколько в медицинском смысле, еще до того, как узнала, какая группа крови у меня. Но я не думала об этическом смысле этого словосочетания, как о фильтре медицинского образования, через который мой отец пропустил свою католическую веру. Я воспитывалась вне церкви, никогда не была у причастия, и поэтому мне никогда не напоминали, что Иисус отдал свою кровь, чтобы мы могли жить, когда отец говорил об универсальном доноре. Но я уже тогда верила, что мы обязаны другим нашими телами.

Я помню, что всякий раз, когда отец в лодке отплывал от берега, он брал с собой спасательный жилет, на котором несмываемой краской было написано: «Донор органов». Это была шутка, в которую он тем не менее искренне верил. Когда он учил меня водить машину, то дал мне совет, полученный им самим от своего отца, моего деда: когда ведешь машину, ты отвечаешь не только за нее, но и за машину, которая едет впереди, и за машину, которая едет сзади. Учиться вести три машины сразу было утомительно, и иногда на меня нападало оцепенение, которое случается и сегодня, когда я веду машину. Но, получив права, я вписала свое имя на

бланк «Донор органов».

Самое первое решение, которое я приняла за моего сына в тот момент, когда его тело отделилось от моего, было сдать его кровь из пупочной вены в банк крови. К тридцати годам я сдавала кровь только один раз, в колледже, как раз, когда читала Кьеркегора. Мне хотелось, чтобы мой сын начал свою жизнь, дав банку кредит, а не влезая у него в долг. Это пожертвование крови состоялось до того, как мне, универсальному донору, после родов пришлось перелить два пакета крови, драгоценной крови, полученной из того же банка.

Если мы представим себе действие вакцины не только как влияние на отдельно взятый организм, но и как влияние на совокупный организм сообщества, то будет правильно думать о вакцинации как о создании банка иммунитета. Вкладами в этот банк являются пожертвования тех, кто не может или не хочет защищаться за счет собственного иммунитета. Этот банк работает по принципу *популяционного иммунитета*, и именно за счет создания такого иммунитета массовая вакцинация становится более эффективной, чем вакцинация индивидуальная.

Любая вакцина может оказаться неэффективной у конкретного индивида, а некоторые вакцины, например против гриппа, менее эффективны, чем другие. Но когда достаточное число людей привиты даже не очень эффективной вакциной, у вирусов возникают большие трудности с переходом от хозяина к хозяину, и эпидемия прекращает распростра-

няться, щадя тех, кто не был вакцинирован, и тех, у кого действие вакцины оказалось неэффективным. Именно поэтому шанс заразиться корью даже у вакцинированного человека выше в населенном пункте, где вакцинированы очень немногие, чем у невакцинированного человека, живущего в населенном пункте, где вакцинировано большинство жителей.

Невакцинированный человек в такой ситуации защищен организмами других людей, в которых вирус не может размножаться. Но вакцинированный человек, окруженный организмами, гостеприимными к вирусу, становится уязвимым, если вакцина не сработала или если иммунитет, вызванный вакцинацией, ослаб. Мы защищены в этой ситуации от болезни не нашей кожей, а тем, что находится вне ее. Именно здесь начинают стираться границы между нашими телами. Дарования крови и органов перемещаются между нами; кровь и органы покидают одни тела и входят в другие, и то же самое происходит с иммунитетом; он становится трастовым фондом, а не личным счетом. Те из нас, кто пользуется коллективным иммунитетом, обязаны своим здоровьем ближним.

Когда моему сыну было шесть месяцев, на пике пандемии гриппа H1N1, одна мамочка сказала мне, что не верит в стадный иммунитет¹. Это теория, сказала она, и она относится

¹ В английском языке «популяционный иммунитет» обозначается термином “*herd immunity*” – стадный иммунитет. В связи с контекстом я в дальнейшем буду

к коровам. То, что стадный иммунитет может стать предметом веры, до этого просто не приходило мне в голову, хотя, конечно, есть что-то оккультное в идее того, что невидимое защитное покрывало накинуто на все население.

Понимая, что я плохо разбираюсь в механизме этого волшебства, я стала искать в университетской библиотеке статьи о стадном иммунитете. Я узнала, что еще в 1840 году один врач заметил, что если вакцинировать от оспы только часть населения, то эпидемию можно полностью остановить. Косвенная защита появляется, правда, временно, после того, как большое число людей приобретут естественный иммунитет после перенесенного во время эпидемии заболевания. В эру до вакцинаций от детских болезней, таких как корь, эпидемии приходили волнами, после которых наступали периоды затишья, длившиеся до тех пор, пока не подрастало определенное число детей, не обладавших иммунитетом к болезни. Стадный иммунитет, как поддающийся наблюдению феномен, кажется теперь неправдоподобным, только если будем думать, что наши организмы полностью отделены друг от друга. Впрочем, большинство из нас думает именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.